

МУЗЕЙНАЯ ЭПИСТЕМА

MUSEUM
EPISTEME

**Санкт-Петербургский государственный
университет**

МУЗЕЙНАЯ ЭПИСТЕМА

**Санкт-Петербург
2009**

ББК 79.1
М90

Редакционная коллегия:

А.В. Ляшко, Е.А. Маковецкий, А.А. Никонова (отв. редактор),
М.Б. Пиотровский (председатель)

*Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
факультета философии и политологии
С.-Петербургского государственного университета*

Музейная эпистема: Сборник статей / Под ред.
М90 А.А. Никоновой. – СПб., 2009. – 410 с.
ISBN 978-5-288-04878-4

В сборнике объединены статьи представителей различных научных дисциплин, изучающих теоретические проблемы музееведения. Одной из центральных тем является осмысление взаимоотношений музейного и образовательного пространств.

Издание адресовано широкому кругу гуманитариев.

ББК 79.1

*Издание осуществлено в рамках тематического плана
фундаментальных НИР СПбГУ:
«Исследование роли музея в контексте формирования европейских
образовательных парадигм»*

*На обложке: Ян Ван Эйк. «Св. Иероним в келье».
Ок. 1435 г. Институт искусств Детройта. Детройт*

ISBN 978-5-288-04878-4

© Авторы статей, 2009
© Кафедра музейного дела и охраны
памятников СПбГУ, 2009
© А.В. Ляшко, художник, 2009

ПРЕДИСЛОВИЕ

На протяжении всей истории общества складывались различные системы образования и воспитания человека. Они имеют не только научно-педагогическую, но и общекультурную ценность. Основной элемент культурологической парадигмы образования заключается в осознании типа культуры, способов развития человека в процессе освоения элементов культуры, обучения, поведения, общения.

Культурный потенциал представляется сегодня намного сложнее и богаче, чем структура личности человека, имеющего с ним дело, и потому современная культура стала для людей менее освоенной и предсказуемой, чем природа. Формирование национального менталитета (идентичности) как результат становления чувства самоуважения и самобытности поддерживается через о-сознание и о-смысление. В тоже время включенность во множество смыслов прошлого, через умение и понимание образно-чувственного мира музейного пространства, позволяет рассматривать музей как особое «образовательное учреждение», в котором человек приобретает базовые

Е.А. Маковецкий(С–Петербург)

Александрийский Мусейон
в истории философии

«Люди рождаются на свет последователями либо Аристотеля, либо Платона». ¹²³ И несмотря на то, что материал для отличения ученика от учителя современный человек заимствует, скорее всего, из средневекового спора между номиналистами и реалистами, несмотря даже на то, что в соответствии с достаточно компетентным мнением, неоплатоническая традиция может рассматриваться в качестве своеобразного синтеза платонизма и аристотелизма, как своего рода «платонический аристотелизм»; несмотря на всё это замечание Борхеса чрезвычайно точно. Нельзя не увидеть различий в самом строе платоновских и аристотелевских доказательств, в их технике философствования: как для одного человека оказывается неприемлемым манера деления понятий, используемая Аристотелем или та лёгкость в обращении с мыслимым, из которой впоследствии вырастает формально-логический постулат о структурной делимости понятий на форму и содержание, даже номиналистический дискурс в целом; так другому покажется непонятной всегдашняя платоновская ирония, покажется необстоятельной его фундаментальная обращённость к мифу. Существующие на самом деле или сильно пре-

¹²³ Борхес Х.Л. Соловей Джона Китса.

увеличенные различия между Платоном и Аристотелем находят своё выражение в интеллектуальной жизни, в разного рода суждениях вкуса: кто-то просто *не хочет* понимать Платона (Аристотеля), кто-то *не может* читать Аристотеля (Платона). И в полном соответствии с народной мудростью никто не ведёт спора о вкусах.

И в старой и в новой Академии была мечта о городе философов. Известна политическая активность Платона на ниве сиракузского полиса, ¹²⁴ некоторые работы основателя Академии в некотором, правда, принудительном смысле также можно считать политико-утопическими. Не менее полно дошла до нас и традиция неоплатонической мечты о прекрасном Платонополисе. ¹²⁵ То о чём мечтали академики стало реальностью среди перипатетиков: Аристотель, будучи учителем Александра мог *реально* влиять на будущую политику императора, но главное — ученики Аристотеля получили то, о чём платоники мечтают до сих пор — они получили Александрийскую библиотеку. Конечно, глупо думать, что естественным пределом мечты является её воплощение, поэтому перипатетики намного счастливее академиков. Ничуть не бывало, мера реальности мечты может быть куда более захватывающей, головокружительной и весомой, чем у сбывшегося факта. Но этот пример с Александрийской библиотекой и Мусейоном, на наш взгляд, как никакой другой хорошо показывает само существ-

¹²⁴ Платон. Письма

¹²⁵ Адо П. Плотин, или простота взгляда. М., 1991

во отличия двух философий: то чего они ждут от мира в ответ на свой вопрошающий взгляд, или какое место уготовано в космосе их логосу. Мы не ставим перед собой задачи провести острое различие академиков и перипатетиков, цель намного скромнее — попытаться понять, каким образом философия Аристотеля могла инициировать уклад музейно-библиотечной жизни на тысячелетия вперёд, что в ней было такого особенного, что обрело свою вещественность на бесконечных книжных полках и стенах нескончаемых музейных анфилад¹²⁶

¹²⁶Беспспорен вклад Аристотеля в историю естествознания: целое тысячелетие прошло под знаком аристотелевской физики. Вклад этот тем более хорошо осознаётся, что время аристотелевской физики, собственно, завершилось (если, конечно, не брать в расчёт её возможного возрождения в теории элементарности. См. *Ахутин А.В.* Понятие «природа» в античности и в Новое время. М., 1988, С.139). Некоторая ревизия аристотелевской физики, произведённая Иоанном Филопоном, физика Галилея — это не просто этапы развития естествознания, это ракурсы в которых аристотелизм всякий раз раскрывался по-новому, мог заново осмыслиться, это те моменты, в которые сам факт влияния идей философа на форму и содержание научного знания, признавался совершенно бесспорным. Ничего похожего пока не произошло ни с историей библиотеки, ни с историей музея. Две крупнейшие культурные институции, ничуть не менее социально значимые, чем естествоиспытание, ещё не осознали своей генетической связи с Ликеем. Причина этого, скорее всего, в том, что музею и библиотеке в новой истории ещё не приходилось испытывать на себе «отрезвляющего влияния» противоборствующих традиций. Иоанн Филопон, вероятно, свято верил в возможность применения аристотелевского учения о сущностях в триадологии. В эпоху же Галилея

Известно, что Александрийский Мусейон, созданный Птолемеем I около 295 г. до н.э.,¹²⁷ стал прообразом не только современных музея и университета, в нём также были заложены те основные принципы научно-исследовательской работы сообщества учёных, которые впоследствии получили своё развитие в деятельности средневековых учёных корпораций, академий наук и искусств, создававшихся в Новое время, и современных НИИ. Общеизвестным в музейном сообществе является также мнение, что расширение функций современных музеев от чисто просветительской до научной стало возможным также благодаря тому культурному опыту, который сформировался в Александрии.

Хотя, по мнению такого знатока как Р. Блум, Мусейон и нельзя считать в строгом смысле перипатетической школой,¹²⁸ но и аристотелевского влияния на всю александрийскую традицию тоже не стоит недооценивать. Во-первых, не случайно, что создание

античная и средневековая физика уступила место новоевропейскому естествоиспытанию. Ничего похожего музей не испытывал, более того, в том виде, в каком он существует сейчас — это достаточно молодой, развивающийся институт. Может быть именно нежный возраст и является причиной отсутствия рефлексии.

¹²⁷По мнению большинства античных авторов Библиотека была создана позднее — уже при Птолемеи II. См. *Blum R.* Kallimachos. The Alexandrian Library and the Origins of Bibliography. Translated from the German by Hans H. Wellisch. The University of Wisconsin Press. 1991. P. 99

¹²⁸*Blum R.* Ibid. P. 97

Музейона стало делом последователей Стагирита. Диметрий Фалерский, которому была поручена его организация, по общему мнению Р. Пфейффера и Р. Блума,¹²⁹ устраивал жизнь Музейона по образцу перипатоса. Основой книжного фонда стала библиотека Аристотеля, самая большая из собранных до сих пор греками библиотек.¹³⁰ Во-вторых, ещё в Академии за привязанность к книжному слову и комментаторскую страсть Аристотель был прозван «читателем» (ὁ ἀναγνώστης), эта «книжность» Аристотеля, о которой ещё пойдёт речь ниже, имела к его времени уже достаточно длительную традицию в греческой культуре. Гомер, занимая главное место в греческом образовании, к V веку стал местами непонятен: его поэмы содержали устаревшие слова, более того, ввиду очень долгого устного бытования гомеровского корпуса, из-за разного рода добавок и исправлений, вносимых рапсодами и позднейшими переписчиками, многие места в разных вариантах поэм могли не совпадать или даже содержать противоречия. Всё это требовало пристального внимания и скрупулёзной работы, в ходе которой, собственно, и возникла филология; и первыми, кто взялся за эту работу были софисты. Заметим, что именно нужды образования, пайдейи, отличавшей греков от варваров, стали исходным пунктом комментаторско-филологического интереса к Гомеру,

¹²⁹ Pfeiffer R. History of classical scholarship. Oxford. 1968, P.99.; Blum R. Ibid., P.101.

¹³⁰ Blum R. Ibid., P.22. Об аристотелевской библиотеке См.: Страбон. География. 13.1.54.

а в конце-концов – победы книжной культуры над устной¹³¹. Именно на исторических путях этой же самой пайдейи создавалась Александрийская Библиотека, как весомейший вклад в эллинизацию Ойкумены. И именно Аристотель оказывается промежуточным звеном в этой истории, связывая первые гомеровские комментарии с неисчерпаемой комментаторской и каталогизирующей деятельностью александрийских библиотекарей. Аристотелем был подготовлен исправленный вариант Иллиады, составлен список аутентичных сочинений Гомера, он составлял хронологические перечни всех олимпиоников, пифиоников, хронологический перечень драматических произведений, их авторов и постановок за два века... Мы не будем продолжать этот список¹³². В-третьих, кроме мотивированного ходом греческой культуры филологического интереса, через последователей Аристотеля в Александрию приходит и другая очень сходная с комментаторством страсть – страсть к коллекционированию. Мы уже напомнили, что никто до Аристотеля не собирал такой огромной книжной коллекции. Но Аристотель коллекционировал не только книги. Он «положил начало для исторического исследования, точнее говоря, истории философских и научных учений (dogmas)».¹³³ По его «Метафизике» можно судить, насколько страстным коллекционером, даже

¹³¹ Эта победа была окончательно одержана в Греции только к III в. до н.э. См. Pfeiffer R. Ibid., P.17.

¹³² Blum R. Ibid.

¹³³ Blum R. Ibid., P.43.

критичным музейщиком был Аристотель в собирании и хранении мнений предшествующих философов; можно судить, о том чувстве коллекционера-собственника, которое испытывал философ, перебирая предшествующие учения — сколько в его оценках было доверительного снисхождения, уверенности коллекционера, осматривающего своё собрание; можно удивляться как может быть тот же философ глух к предупреждению Парменида не следовать путём мнения. А Аристотель всё время следует этими путями, и что странно на них-то и обретает свою истину. Его доксографические труды на почве истории философских воззрений нашли продолжение в работах его учеников: Теофраст расширил жизнеописания физиологов, Эвдем занимался математиками и астрономами, Аристоксен — теоретиками музыки, Менон — медиками. Вот у учеников Аристотеля, у их учеников могли быть замечены признаки методологического вырождения, когда за лесом фактов и горами труда уже невозможно разглядеть смысла работы. Но с Аристотелем такого не было, кажется, что чувство меры всё же не изменяло ему, он оставался философом. Имея всё это в виду, мы можем утверждать, что Аристотелевская традиция была задействована в Александрии, по крайней мере, в трёх отношениях: в кадровом и в отношении полного наследования родственных традиций комментирования и коллекционирования.

Собирать и комментировать книги Аристотель начинает ещё учась в Академии. Ни он, ни те кто сочувствовал его занятиям, естественно не встречали

никакого организационного противодействия со стороны Платона,¹³⁴ но о том, каково было действительное отношение к такого рода штудиям можно судить не только по шутливому прозвищу Аристотеля, но и по тем немногочисленным высказываниям Платона, в которых философ формулировал свое позицию по отношению к письменному и устному слову. Смысл их можно кратко представить в следующих пунктах. Книга, во-первых, не способна к диалогу, она гудит как медный сосуд, когда по нему ударишь, и на все вопросы она отвечает одно и то же (Прот. 329a). Во-вторых, письмо — отнюдь не является способом улучшить память, спасти от забвения минувшее, наоборот, книга портит память, люди, доверяясь внешним знакам утрачивают истинную мудрость, становятся «мнимомудрыми вместо мудрых» (Федр. 275b). Да и вообще, насколько силен этот аргумент, об улучшении памяти, если то, к чему приходит человек в своих размышлениях о самом главном — о справедливости, прекрасном, благе — формулируется очень просто и никак не может забыться (Письмо VII, 344e). Понятно, опять же, насколько лучше книги то сочинение «которое по мере приобретения знаний пишется в душе обучающегося» (Федр. 276a). В-третьих, письменна настолько грубый инструмент для передачи мыслей, что только безумец станет им доверять, заранее обрекая читателя на неправильное понимание. В-четвёртых, это неправильное понимание может быть и небезопасным. В пятой книге «Стромат» Климент

¹³⁴Blum R. Ibid., P.20.

Александрийский так проясняет этот платоновский аргумент: человек, вставший на путь познания, теряет ту «простую веру», которая может оказаться достаточной для спасения, он, если не пройдет этот путь, – свернёт или остановится, – не достигнет и истинного гнозиса, навсегда теряя шанс на спасение.¹³⁵ Важно, что эта опасность подстерегает не только «незадачливого» ученика, но и учителя, пренебрегшего своей обязанностью сеять только в плодородную почву. Наконец, в-пятых, письменная речь это только *отображение* «одушевленной речи знающего человека» (Федр. 276a), а помня может быть и ироническое, но отнюдь не восторженное отношение Платона к мимесису,¹³⁶ принимая в расчёт и то, что продуктивным для него был лишь воспитательный мимесис,¹³⁷ мы легко можем присоединить этот «подражательный» аргумент к списку доводов о преимуществах устного слова перед письменным. Этими платоновским доводами разрушаются оба аргумента в пользу книги: теоретический – по поводу того, что книга улучшает память, и исторический, такой же общепризнанный, и выдвинутый в очередной раз Рудольфом Пфейффером, ссылающимся на тот факт, что образование нуждается в книге, когда объясняет комментаторскую

¹³⁵Климент Александрийский. Строматы. V, 54, 3-4.

¹³⁶Платон. Государство. Особенно Кн. 3.

¹³⁷Этот аргумент особенно важен потому, что в данном фрагменте Платон говорит как раз о том, что книга никак не годится для воспитания.

направленность деятельности педагогов-софистов.¹³⁸ Души, говорит Платон, засеваются не письменными знаками, а «живой и одушевленной речью знающего человека» (Федр. 276a), который может и промолчать, и услышать, и ответить на вопрос.¹³⁹ Короче, вовсе не книга, но диалектика является естественной средой пайдейи. Зачем же тогда книги вообще нужны? Платон даёт целых два ответа: их пишут из одного только «позорного честолюбия» (Письмо VII, 344e) и второй, более позитивный вариант – образ писателя, которого не осуждает Платон: «... ради забавы он засеет сады письмен и станет писать; ведь когда он пишет, он накапливает запас воспоминаний для себя самого на то время, когда наступит старость – возраст забвенья, да и для всякого, кто пойдет по его следам; и он порадуется при виде нежных всходов. Между тем как другие люди предаются иным развлечениям, упиваясь пиршествами и тому подобными забавами, он вместо этого будет, вероятно, проводить время в тех развлечениях, о которых я говорю» (Федр. 276d). Писательство, конечно, не главное дело философа и воспитателя, но для забавы в старости, особенно в сравнении с теми забавами, которым предаются иные старики,

¹³⁸Pfeiffer R. Ibid., P.17.

¹³⁹«... взяв подходящую душу, такой человек со знанием дела насаждает и сеет в ней речи, способные помочь и самим себе и сеятелю, ибо они не бесплодны, в них есть семя, которое родит новые речи в душах других людей, способные сделать это семя навеки бессмертным, а его обладателя счастливым настолько, насколько может быть человек». (Федр. 276e-277a)

оно подходит как нельзя лучше. Понятно, что далеко не старик и, скорее всего, не весельчак Аристотель, находясь в Академии, был вынужден хотя бы для себя как-то обосновывать свою комментаторскую и собирательскую деятельность.

«Воля к коллекционированию»

Почему знать природу, значит знать суть вещей? Потому что природа – это и есть род сущности. Определяя природу, Аристотель замечает: «А пытаться доказывать, что природа существует, смешно, ибо очевидно, что таких предметов много» (Физика. Кн. II. 193a3-5). Откуда берётся эта очевидность и насколько строгим доказательством она может служить? В этой же главе, рассуждая о том, в качестве материи или формы определять природу, Аристотель говорит: «...как искусством называется соответствующее искусству и искусственное, так и природой – соответствующее природе и природное». Т.е. ложе это одновременно и произведение искусства, в нём же воплощается всё искусство как таковое. То же и с природой: в одном цветке я вижу всю природу в целом.¹⁴⁰ Природа здесь форма вещей, которая может отделяться от них только логически, значит и то, что даёт возможность понимать эти вещи, делать их предметом логоса. То-

¹⁴⁰ «... в произведении «фюсис» нам явлен не только плод или продукт, явлено «искусство» самой «фюсис»: спелый, зрелый, рослый, цветущий, умный вид того, что, по определению своей «фюсис», спел, зреет, растёт, цветёт, живёт, мыслит...» Ахутин А.В. Указ. соч., М., 1988, С.154.

гда как же может быть не очевидным то, о чём я мыслю, вернее, то, что является не больше не меньше – условием мысли? Если я размышляю о цветке, значит он есть. Такое получается феноменологическое доказательство, основанное на опыте мышления. Скажем, кстати, что этот опыт был для грека вовсе не таким уж не обязательным, каким он мог становиться в некоторые периоды постноевропейской истории, ведь человек – это существо сказывающее (*ζῶν λόγόν*).

Остановимся на этом: нет нужды доказывать существование природы при том условии, что форма – это и есть природа. Тогда существование природы – это действительно такая очевидность, на которой основана сама возможность размышления о природных вещах. Но не может ли быть природой и материя? Является ли только форма природой? Уже в следующей главе второй книги Физики, рассуждая о том, что должен исследовать физик, Аристотель замечает: «природа двояка: она есть и форма и материя» (194a10). Тогда наш вопрос можно сформулировать следующим образом: в том случае, когда природа это материя, будет ли очевидность существования природы следовать из факта её мыслимости? Конечно нет, ведь отделяя логически форму вещей, мысля о них, я не постигаю или же только отчасти постигаю их природу, поскольку она не заключена в форме, а содержится в материи этих вещей. Я как Буратино, мысля формальную сторону роста, закапываю в землю деньги, чтобы они выросли, но они не растут, потому что природа моих пя-

ти сольдо заключена не в этой мыслимой мной форме, а в их материи, в том, что они — золото.

Чтобы разобраться в этом вопросе, вернёмся к определению природы. Для Аристотеля очень важна этимология слова «ἡ φύσις» («природа»): слово происходит от глагола φύω — производить на свет, рождать. Т.е. то является природой, что рождает, — природа, рассматриваемая как возникновение есть путь к природе, — говорит Аристотель (193b10). Именно «форма [порождающих друг-друга предметов] есть природа» (193b10). Форма как природа представлена в примере с человеком, рождающим другого человека (193b10). Но если мы придадим с помощью искусства дереву форму ложа, то не эта форма (фигура), будет природой ложа, а его материя, т.е. дерево. Это как в примере Антифона: если ложе закапать в землю и если от этого что-то и произойдёт, то скорее не новое ложе, а дерево. Выходит, что форма — это природа для вещей естественных. В тех же вещах, которые произведены искусством, форма будет природой только в известном смысле: для дерева лишённость формы ложа будет только в некотором смысле видом, неспособным, однако, без помощи мастера произвести на свет действительное ложе.¹⁴¹

¹⁴¹О лишённости Аристотель рассуждает в книге «О возникновении и уничтожении»: Если «тепло — это некая категория и форма, а холод — лишённость» (Гл.3, 318b15), тогда, конечно «возникновение — это уничтожение не-сущего» (319a25). Здесь лишённость тепла становится источником возникновения тепла.

Далее: природа — это одновременно и цель и «ради чего». Ради чего — это предел движения, а цель — это не всякий, но наилучший предел движения. (194a25-30). В произведениях искусства материал обрабатывается ради определённого дела, в природных же телах он есть в наличии целиком (194b5). Всё дело в этом: в том, насколько воплощена материя. Материя по разному представлена в произведении искусства и произведении природы: в искусстве, она не исчерпывается формой, а в природе полностью реализована в форме (она в этом случае полностью воплощена). Поэтому не всегда природа вещи будет такой уж очевидной, следуя из самого факта мыслимости этой вещи — я могу мыслить действительное (не только возможное!) произведение искусства, но его природа, его порождающее начало, его цель, будут мне не очевидны! Мне нужно будет понять и материю, и то, что делает с ней мастерство, т.е. нужно будет понять материю как лишённость, ведь для мастера дерево — это лишённость формы ложа, дерево нужно привести к этому «ради чего». В этом смысле материя, понятая как лишённость и будет в некотором смысле формой (193b20), но только в этом смысле искусства как подражания природе, т.е. именно в некотором вторичном смысле.

Значит вопрос об очевидности природы всё же стоит: когда природа — это материя, как мне доказать её очевидность? Как мне понять природу вещей, не рождённых, а сделанных, в форме которых может и не заключаться их природа?

Есть в рассматриваемом фрагменте об очевидности природы ещё одно замечание, на которое мы пока не обратили внимания. Оно делает — также как мыслимость вещей для природы-формы — ненужным доказательство очевидности для природы-материи: это факт многочисленности природных вещей. Вспомним конец фразы: «ибо очевидно, что таких предметов много». Почему глупо сомневаться, что природа есть? Потому что глупо сомневаться в том, что наполняет мир. Сомневаться в этом, значит быть слепым, ничего не чувствовать. Это ведь, по-сути, экзистенциальный аргумент, совсем не строгий. Ты утверждаешь, что жизнь прекрасна, но неужели ты настолько слеп, что не видишь, сколько в ней несправедливости и жестокости? — что-то очень похожее. То что Аристотель бесстрастен в тоне, что он не направляет взор на что-то безусловно прекрасное или безусловно ужасное — только маскирует экзистенциальную силу его довода, не делает его строгим. Вот в этом-то смысле аристотелевскому человеку важно *собирать*, это его экзистенциальная нужда. Зачем было составлять Аристотелю Дидаскалии? Чтобы увеличить меру очевидности мира Афинской культуры за последние два века. Чтобы имена героев, поэтов и артистов, название постановок и прочая репертуарная материя не канула в Лету, не исчезла в виду нерадения того, кто ответствен за логос, за поддержание космического порядка. Всё это удел человека, и в таком виде в нём тоже сказывается логос. Собираательство не только и не столько страсть, сколько способ бытия логоса, суще-

ствующий наряду с мыслью. Природа-форма осуществляется в мысли точно так же, как природа-материя в собираательстве.¹⁴² Логос сказывается и в коллекционировании — вот беспрецедентное открытие Аристотеля, отличающее его от всех предшественников, и сделавшее так много для формирования стратегий интеллектуальной жизни от эллинизма до современности.

Имея в виду этот своеобразный «логос коллекционирования» мы и можем отличить аристотелево методическое коллекционирование от чистой собираательской страсти. Аристотель — не Плюшкин и не пан Яницкий из «Декалога» Кеслевского; а начало книжных и музейных собраний — не древний инстинкт собираательства, во всяком случае не только он. Хотя филологические исследования Аристотеля и находятся в русле софистической традиции,¹⁴³ а с софистами часто происходило то же, что со многими из учеников Аристотеля: «потеря главной цели исследования и сполза-

¹⁴²Было бы ошибкой заключать, что постижение природы-формы это задача мысли, а природы-материи — коллекционирования. Коллекционирование мыслей и размышление о, скажем, произведениях искусства — тоже осуществление единого человеческого логоса. Различение «техне» и «фюсис», формы и материи, чрезвычайно важное для Аристотеля, использовалось нами в анализе фрагмента об очевидности природных вещей для того, чтобы прояснить логос коллекционирования, но не для того, чтобы различить способы отношения к произведениям искусства и произведениям природы. Ведь в смысле первой сущности она и у тех и у других одинаково очевидна.

¹⁴³Blum R. Ibid., P.19.

ние в формальное изучение ради изучения»¹⁴⁴. Хотя Аристотель в своих оценках философов может быть таким же заносчивым как, например, Протагор, который обвинял Гомера в неправильном употреблении рода!¹⁴⁵ Но мы не можем не видеть и главного: даже при наличии сильнейшей страсти к собирательству, была в распоряжении Аристотеля и та умная сила, с помощью которой эта страсть обуздывалась – Аристотель всегда (или почти всегда) оставался греком, соблюдавшим главное правило – «ничего сверх меры».

Вообще сам тезис об «инстинкте», обосновывающем музей и библиотеку выглядит смешным. В его логике музейные и библиотечные хранители, радующие о сохранении и приумножении *не своих* коллекций, становятся людьми, одержимыми, как бы определил это Ж. Лакан, нездоровой тягой к прибавочному наслаждению, фетишистами, короче говоря. Опыт подсказывает, что это далеко не всегда соответствует действительности. Тем более смешон этот тезис в применении к Аристотелю.

Вспомним, что ни платонизм, ни какая другая философская школа, существовавшая в эпоху раннего эллинизма, а именно перипатетическая традиция стала парадигмой деятельности Александрийских Музейна и библиотеки. Это значит, что с большой долей вероятности мы можем предположить, что в основе музейного коллекционирования лежат не такие формы «собирательства» как храмовые коллекции ан-

¹⁴⁴ Там же.

¹⁴⁵ Pfeiffer R. Ibid., P. 37-38.

тичных святынь и коллекции военных трофеев, а то специфическое отношение к миру, которое сформировалось в философии Аристотеля, и которое можно условно обозначить, как «методическое коллекционирование». Иначе говоря, в основе музея лежит не инстинкт собирательства, а глубоко осмысленное и творческое отношение к миру. Для которого, кстати сказать, вовсе не важно подпитывается ли оно этим инстинктом или противоречит ему, потому что, в данном контексте, философские основания музейного коллекционирования и инстинкт собирательства являются в равной степени попытками вторичной рационализации такого явления как современный музей и их согласование между собой представляется нам совершенно избыточным.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Бойко А.Г.

Просветительская миссия и образовательный потенциал искусствоведения и педагогическая деятельность художественного музея 7

Борисов О.С.

Инсталляция: Перформированный stolen object («украденный объект») 33

Водорез Е.Л.

Образовательная функция научно-технического музея 43

Гимильштейн Я.

Музей для искусшенных 60

Глуценко Н.С.

Мемориальность в музеях-квартирах: вопрос подлинности 68

Дриккер А.С.

Храм искусств в обществе потребления 78

Зязева Л.К.

Постмодернизм и духовное пространство России 86

Иванова Ю.В.

Пространственно-временные границы музеев 109

Куклинова И.А.

Музей и публика: современные формы взаимодействия (анализ деятельности французских музеев) 131

Маковецкий Е.А.

Александрийский Муссейон в истории философии 157

Мастеница Е.Н.

Социальная адаптация в контексте культурно-образовательной деятельности музея 175

Милинчук Е.С.

Виртуальный музей и туризм: пространство взаимодействия 202

Никифорова А.А.

К проблеме информационно-правового обеспечения реставрации 215

Петрова Е.В.

Детский музейный клуб от истории к современности 221

Рощина Е.

Интерактивность как новейшая технология музейного образования 244

Самарина Н.Г.

Источниковедение в свете антропологической парадигмы 265

<i>Смирнов А.В.</i>	
Влияние научной концепции человека на принцип организации образовательного музея	284
<i>Сурикова К.В.</i>	
Образование в контексте виртуализации музея	299
<i>Хакимова А.С., Скобельцина А.С.</i>	
Стратегическое продвижение музея средствами связей с общественностью	317
<i>Хижняк О.С.</i>	
Создание музейной экспозиции «Сукхавати – чистая земля Будды Амитабхи»: традиции и новые технологии	343
<i>Чеснокова М.Н.</i>	
Концепции учебного музея Н.К. Рериха и Ф.И. Шмита	355
<i>Чуклина Т.И.</i>	
Субмерсия как принцип построения экспозиции	372
<i>Ширяк М.Е.</i>	
Психология в музее – настоящее и будущее	388
ОБ АВТОРАХ	402

Научное издание

МУЗЕЙНАЯ ЭПИСТЕМА

Печатается без издательского редактирования

Оригинал–макет *А.В. Никонов*

Художественное оформление *А.В. Ляшко*

Подписано в печать с авторского оригинал–макета 05.05.2009 г.

Формат 60 x 84/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 23,9. Тираж 100 экз. Заказ **255**.

Типография Издательства СПбГУ
199061, С.-Петербург, Средний пр., 41